

1597.

18.5.32.

НЕВѢСТА
АБИДОССКАЯ.

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ

Лорда Байрона.

Перевелъ съ Англійскаго

Иванъ Козловъ.

Had we never loved so kindly.
Had we never loved so blindly;
Never met or never parted,
We had ne'er been broken hearted.

BURNS.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1 8 2 6.

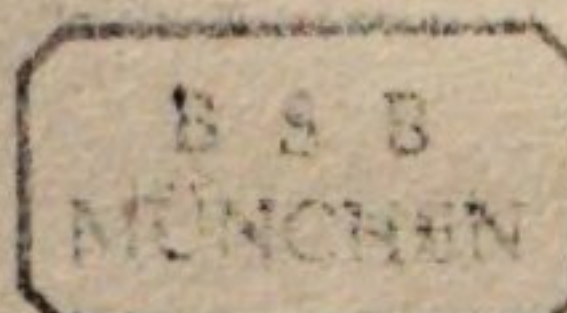
1227

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ
семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда
слѣдуетъ на основаніи узаконеній.

Санктпетербургъ, 19 Іюля 1826 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

Е Я

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

АЛЕКСАНДРЪ ТЕОДОРОВНЪ

СЪ ЧУВСТВОМЪ СЕРДЕЧНАГО БЛАГОГОВѢНІЯ

всеподданнѣйше посвящаетъ

Иванъ Козловъ.

38

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЩЕЦУ

ЛОХУДАРИИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРА ГЕОЛОГИИ

ВВЕДЕНИЕ
ВВЕДЕНИЕ
ВВЕДЕНИЕ
ВВЕДЕНИЕ
ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Надежда и любовь полуночнаго края,
Народа древняго ЦАРИЦА молодая,
О будь, хранимая Всевышняго рукой,
Блаженства Русскаго прекрасною звѣздой!

Безвѣстный я пѣвецъ, забвенный житель міра;
Дубравамъ и полямъ моя играетъ лира,
Задумчиво поетъ мечты мишующихъ дней,
Порывы бурные и шайный пылъ страстей:
Дерзнулъ ли я цвѣшокъ убогій и смиренной,
Подруга нѣжная Владыки полвселенной,
Дерзнулъ ТЕБѢ принести? Кишитъ воспоргъ
живой . . .

А струны робкія нѣмѣютъ предъ ТОБОЙ.
Не санъ блистательный, не почести земныя,
Но добродѣтели неплѣнныя, святыя
Плѣняють духъ пѣвца. — ТЕБЯ всещедрый Богъ
Россіи подарилъ; ТЫ радости залогъ
И чувствъ возвышенныхъ пылающей душою,
И сердца нѣжныхъ думъ небесной чистотою.
Порукой прочною блаженства на земли
Святая благодать семейственной любви:
Блаженъ народъ, когда всѣмъ правиламъ
 священнымъ,
Всѣмъ крошкимъ должностямъ, опъ вѣка
 неизмѣннымъ,
Творящимъ жизни путь вѣрный и свѣплый,
Онъ видитъ образецъ въ душѣ своихъ Царей!

О часть, прекрасный часъ надеждъ, очарованья,
Когда священнаго полна воспоминанья,
ТЫ въ тайный шопъ черпогъ незримая спѣшишь,
Гдѣ образъ матери шакъ набожно хранишь
И, тихо мрамора касаяся усами,
Вънчаешь хладный ликъ душистыми цвѣтами!
Безцѣнная слеза дрожишь въ твоихъ очахъ,
А незабвенная ликуешь въ небесахъ.
Но знай, ужъ небеса ТЕБЯ благословили;
Чешыре Ангела ТЕБѢ ужъ возвѣспили
Награду чистую: любовь и благодашь,
И набожная дочь — счастливая ТЫ мать.
Плѣнишелекъ, какъ ТЫ, и пышно разцвѣтая,
Усердныхъ Россіянъ надежда дорогая,
Порфирородный Сынъ блистаешь предъ ТОБОЙ

На все прекрасное гошвою душой;
Имъ чувствво новое ТВОЙ жребій озарило;
Предметъ свяшыхъ заботъ, забавъ поварищъ
милой,
Онъ радость свѣплая ТВОИХЪ невинныхъ дней...
Дерзну ль я лирою нескромною моей
ТЕБѢ напоянушь о шѣхъ минушахъ ясныхъ,
Когда ТЫ, вмѣстѣ съ Нимъ, въ шѣни садовъ
прекрасныхъ,
Гуляешь, говоришь, и въ юный, гибкій умъ
Вливаешь доброшу и жаръ высокихъ думъ? —
Иль, въ часъ его забавъ, вечернею порою,
Какъ волны звучныя онъ дѣпскою рукою
Спремишся разсѣкашь сверкающимъ весломъ,
И пѣна бѣлая кипишь подъ челнокомъ,

ТЫ, спутница Его, и вдоль береговъ пѣниспыхъ,
Одна, по зеркальной равнинѣ водъ сребриспыхъ,
Въ шомъ легкомъ челнокѣ лепашь вмѣспѣ съ

Нимъ:

Прелеспнѣ Онъ ТОБОЙ, а ТЫ прелеспна имъ.

И я не зрѣлъ Его! . . . И, жертва мрачной ночи,
Мои попухшія, увы, не видяшъ очи
Священной красоты ЦАРИЦЫ молодой,
Ни Русскаго ЦАРЯ, любви земли родной,
Чей первый Царспва день былъ днемъ
безсперпной славы,
Спасенъемъ алпарей, Россіи и державы,
Кшо съ Брапомъ доблеспнымъ примѣръ величья
далъ ,

Какаго мѣръ земной не зрѣлъ и не слыхалъ!

Но сердца моего восторгъ и умиленье
Возносящъ ко Творцу усердное моленье,
Да свѣплая печать любви его свяпой
Пребудетъ навсегда надъ Нимъ и надъ **ТОБОЙ!**
Да солнце радости блестящими лучами
Надъ Русскою землею, надъ Русскими морями
Взыграетъ навсегда, и миръ и пишину
Прольетъ съ высотъ небесъ на вѣрную страну!
Да Вышній осѣнитъ Державу **НИКОЛАЯ,**
И солнце вѣчное, вселенну обещаая,
Не узришь ничего счастливей, славнѣй
ЕГО высокихъ дѣлъ, **ТВОИХЪ** прекрасныхъ
дней!

НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кто знаетъ край далёкій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и помный миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они во знаменье распутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладоспратной?
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью
близка,
Вдругъ яспребъ пихъ, а горлица дика?

Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ шумитъ и вѣется виноградъ,
Гдѣ вѣперокъ,носящій ароматъ,
Подъ ношею въ эфиръ упоенъ,
Во всей красѣ, гдѣ роза разцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещрѣнъ,
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ?
Гдѣ дивно всё, видъ рощей и полей,
Лазурный сводъ и радужный шуманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ?
И дѣвы тамъ свѣжѣе розъ душистыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ
волнистыхъ.
Тотъ край Воспокъ, по солнца споруна!
Въ ней дышитъ все Божественной красою,
Но люди тамъ съ безжалостной душою;
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она —
Прекрасная — злодѣямъ предана.

Въ ихъ сердцѣ мещь ; ихъ повѣсти
печальны,
Какъ спонь любви, какъ поцѣлуй
прощальный.

II.

Собравъ Диванъ, Яфаръ съдой
Сидѣлъ угрюмо. — Вкругъ стояли
Рабы гошовой толпой
И спражей бышь, и мчашься въ бой.
Но думы мрачныя лешали
Надъ преспарѣлою главой.
И, по обычаямъ Воспока,
Хошя поклонники Пророка
Скрывающъ хипро опъ очей
Порывы бурные спрашей,
Всѣ, кромѣ спѣси ихъ надменной;
Но видъ унылый, взоръ смущенный
Являли всѣмъ, чпо въ шайнѣ онъ
Какимъ - то горемъ угнетѣнъ.

III.

«Оспавыпе насъ!» — Идутъ толпою —
Гаруна вѣрнаго ко мнѣ!
И вопъ, Яфаръ на-единѣ
Оспался съ сыномъ. — Предъ Пашою
Арабъ споишъ: — «Гарунъ! скорѣй
«Иди за дочерью моею,
«И приведи ко мнѣ съ собою;
«Но пережди, чѣмъ вѣншій дворъ,
«Толпа военныхъ миновала:
«Бѣда тому, чей узришъ взоръ
«Ея лице безъ покрывала!
«Судьба Зюлейки рѣшена;
«Но ты ни слова; пусть она
«Свой жребій опъ меня узнаешъ.» —
«Чѣмъ мнѣ Паша повелѣваетъ,
«Исполню я.» Другихъ нѣтъ словъ
Межъ Сераскира и рабовъ. —
И вопъ, ужъ къ башнѣ опдаленной

Начальникъ эвнуховъ бѣжишъ.
Тогда, съ покорностью смиренной,
Взявъ ласковый и нѣжный видъ,
Умильно сынъ къ ошцу подходишъ,
И, поклонясь, — молодой Селимъ
Съ Пашею грознымъ рѣчь заводишъ,
Съ почтеньемъ стоя передъ нимъ.

«Ты гнѣвенъ, — но чужой виною,
«Опець! сеспры не упрекай,
«Рабыни черной не карай.
«Виновенъ я передъ побою.
«Сегодня раннею зарей
«Такъ солнце весело играло,
«Такою свѣпшою красой
«Поля и волны озаряло;
«Мой сонъ невольно опъ очей
«Бѣжалъ; — но грусть меня смущала,
«Чшо тайныхъ чувствъ души моей

«Ни чья душа не раздѣляла;
«Я перервалъ Зюлейки сонъ, —
«И какъ замки спорожевые
«Доступны мнѣ въ часы ночные,
«То мимо усыпленныхъ женъ
«Тихонько въ садъ мы убѣжали,
«И рощи, волны, небеса,
«Какъ бы для насъ цвѣли, сіяли,
«И мнилось: наша ихъ краса.
«Мы день бы цѣлой были рады
«Вдаваясь сладостнымъ мечтамъ.
«Междуна сказки, пѣсни Сади (1.)
«Еще милѣй казались намъ:
«Какъ вѣщій грохотъ барабана (2.)
«Мнѣ вдругъ напомнилъ часъ Дивана,
«И во дворецъ являюсь я.
«Къ тебѣ мой долгъ меня приводитъ;
«Но и теперь сестра моя —
«Задумчива — по роцамъ бродитъ.
«О! не гнѣвись! полпа рабовъ

«Гаремъ всечасно охраняешъ,

«И въ тихій мракъ твоихъ садовъ»

«Лукавый взоръ не проникаешъ.»

IV.

«О сынъ рабы!» Паша вскричалъ,

«Напрасно я надеждой льспился,

«Чтобъ ты съ годами возмужалъ.

«Опъ нечесливой ты родился!

«Иной бы въ цвѣтѣ юныхъ дней

«То борзыхъ объѣзжалъ коней,

«То стрѣлы раннею зарёю

«Бросалъ бы мѣлкою рукою.

«Но, Грекъ не вѣрой, Грекъ душой,

«Ты любишь нѣгу и покой,

«Сидишь надъ свѣплыми водами,

«Или плѣняешься цвѣтами;

«Ахъ! признаюсь, желалъ бы я,

«Чтобъ взоръ лѣнивый веселя,
«Хотя бъ небесное свѣпило
«Твой слабый духъ воспламенило!
«Но — нѣтъ! позоръ земли родной!
«О! если бурною рѣкой
«Полки Московитянъ нахлынутъ,
«Спамбула башни въ прахъ низринутъ,
«И раззорятъ мечемъ, огнемъ
«Опцовъ завѣщную обитель:
«Ты, грозной съчи вялый зришель,
«Ты лёнъ пряди, — а спукъ мечей
«Лишь спрахъ родишь въ душѣ твоей.
«Но самъ ты мчишься за бѣдою,
«Смотри же, чтобъ опять съ побою
«Зюлейка тайно не ушла.....
«Не то — вопъ лукъ и вопъ спрѣла.»

V.

Уста Селимовы молчали,
Но взоръ опцевъ, опцева рѣчь

Убийственнѣй, чѣмъ Русскій мечъ,
Младое сердце уязвляли.
«Я сынъ рабы! я слабъ душой!
«Кто жъ мой отецъ?.. Давно бѣ иной
«Паль мерзвѣй за упрекъ шакой.»
Такъ думы черныя рождались,
И очи гнѣвомъ разгарались,
И гнѣва скрышь онъ не хотѣлъ.
Яфаръ на сына посмопрѣлъ —
И содрогнулся.... Ужъ являлась
Кичливость юноши предъ нимъ;
Онъ зрѣлъ, какъ раздраженъ Селимъ,
И какъ душа въ немъ взбунтовалась.
«Что жъ ты ни слова мнѣ въ отвѣтъ?
«Я вижу все; — опваги нѣтъ, —
«Но ты упрямъ; — а будь ты смѣлый
«И сильный, и годами зрѣлый;
«То пусть бы ты свое копье
«Переломилъ — хоть о мое.»
И взглядъ презрѣнья довершаетъ

Паши насмѣшливый укоръ ;
Но дерзкій видъ, обидный взоръ
Селимъ безспрашно возвращаетъ, —
Самъ гордо на него глядитъ,
Гроза въ очахъ его горитъ,
И старецъ взоры опускаетъ
И съ тайной злобою молчитъ.
«Онъ мнѣ рожденъ на оскорбленье,
«Онъ мнѣ послыль со дня рожденья.
«Но что жъ? — его безъ силы длань
«Лишь серну дикую и лань
«Разитъ на ловль безопасной,
«Его спрашивая мнѣ напрасно.
«Ему ли съ робкою душой
«За честь лепѣшь на смертный бой?
«Меня кичливосць въ немъ смущаетъ,
«Въ немъ кровь... чья кровь?... ужель
«... онъ знаешь?...
«Еще грознѣй я буду съ нимъ,
«Давно въ очахъ моихъ Селимъ

«Какъ низкій Жидъ, какъ Грекъ мяпежный.

«Но чей я слышу голосъ нѣжный?

«Не такъ плѣнишеленъ напѣвъ

«Эдемскихъ свѣплоокихъ дѣвъ.

«О дочь! побою жизнь яснѣе,

«Ты мапери своей милѣе. —

«Съ побою мнѣ, подъ сумракъ лѣпъ,

«Однѣ надежды, горя нѣпъ;

«Какъ пупника въ сшепи безводной

«Живишъ на солнцѣ ключъ холодной,

«Такъ веселишъ взоръ жадный мой,

«Явленье Пери молодой.

«Какой поклонникъ въ поднебесной,

«Передъ гробницею чудесной,

«Пророка пламеннѣй молилъ?

«Кпо такъ за жизнь благодарилъ,

«Какъ я за дочь, мою опраду,

«Его прекрасную награду!

«Дипя моё. . . О! сладко мнѣ

«Благословенье дашь тебѣ!»

VI.

Свѣшла, какъ дивное видѣнье
Спрадальцевъ спящихъ упѣшенье,
Когда душа ихъ въ райскихъ снахъ
Земное горе забываетъ, —
И съ чѣмъ распалась, то видаетъ
Опянь своимъ на небесахъ;
— Мила, какъ прахъ подруги милой,
Такъ рано опняшой могилой;
Чиспа, какъ въ свяпоспи своей
Молитва на успахъ дѣшей:
И пакова - то дочь младая
Паши угрюмаго была.
Онъ плакалъ, дѣву обнимая, —
И слезы не печаль лила.

Но — для красы гдѣ выраженья?
Какъ блескъ небесный разсказать?

Кто могъ, кто смѣетъ непризнавъ
Съ восторгомъ сладкаго помненья
Сердце плѣненныхъ упоенья?
Зюлейка, милый, нѣжный цвѣтъ,
Красами дивными плѣняла,
Въ подлунной имъ названья нѣтъ;
Она одна объ нихъ не знала;
И жаръ любви, и умъ живой
Сливались съ дѣвской чистотой, —
И что-то музыкой небесной (3.)
Опѣ дѣвы вѣяло прелестной.
Сердечной нѣжностью дыша,
Въ ней все любило, все свѣплѣло,
Во взоръ чувствиво пламенѣло,
И эпопѣ взоръ былъ самъ — душа.

Она вошла — главу склонила,
И руки бѣлыя крестомъ
На перси чистыя сложила, —

И передъ сумрачнымъ опцомъ
Съ улыбкою смиренной спала,
И на плечо къ нему припала,
И бѣлоснѣжною рукой
Привѣшно спарца обнимала.
Лаская дочь, Яфаръ нѣмой,
Унылый, — дѣло начашое
Уже гошовъ былъ опмѣнишь;
Яфаръ боялся погубишь
Ея веселье молодое;
Онъ чувствомъ былъ прикованъ къ ней;
Но гордоспъ въ немъ всѣхъ чувспвъ
сильнѣй.

VII.

«Зюлейка — сердца утѣшенье!
«Тебѣ сей день докажешъ вновь
«Мою опцовскую любовь;
«Съ шобой мнѣ шяжко разлученье;

«Но я, забывъ печаль мою,
«Тебя въ замужство отдаю;
«Женихъ твой славенъ, — межъ военныхъ
«Онъ всѣхъ храбрѣй; Османъ рожденъ
«Опъ древнихъ, доблестныхъ племенъ,
«Опъ Тимарьёповъ неизмѣнныхъ, (4.)
«Никѣмъ, нигдѣ непобѣжденныхъ;
«И словомъ я тебѣ скажу,
«Онъ родственникъ Пасванъ - Оглу.
«До лѣтъ его какое дѣло!
«Не юноши искалъ я самъ;
«Тебѣ жъ приданое я дамъ,
«Копорымъ ты гордися смѣло.
«Когда жъ все будетъ свершено, —
«И наши силы за одно,
«То посмѣемся мы съ Османомъ
«Надъ жизнь опъемлющимъ фирманомъ;
«Лишь головы не сбережешь, (5)
«Кто въ даръ снурокъ къ намъ привезешь.
«Теперь, моей внимая воля,

«Послушна мнѣ, ему вѣрна,
«Уже ты съ нимъ искашь должна
«Любви и счастья въ новой долѣ.»

VIII.

И дѣва юною главою
Безмолвно робкая поникла,
И вѣсть разящею спрѣлой,
Казалось, грудь ея проникла.
Въ смятеньи тяжкомъ и нѣмомъ
И чувствамъ воли дать не смѣя,
Она спояла предъ опцомъ
Блѣдна, какъ ранняя лилея,
Но вздохъ прокрался, — на щекахъ
Зардѣлись дѣвственныя розы,
И на попушенныхъ очахъ
Невольно навернулись слёзы.
Что можешь, что съ твоей красой,

Румянецъ дѣвственнѣй, равняйся! —
И жалость нѣжная побой
Всегда гопова любоваться!
И что, что можешь такъ плѣнять,
Какъ слезы красны спыдливой;
Ихъ жаль самой любви счастливой
Лобзаньемъ спраспнымъ осушать;
Но ужь о томъ, какъ съ ней одною
Селимъ въ саду гулялъ зарёю.
Иль не хопѣлъ, иль позабылъ,
Яфаръ совсѣмъ не говорилъ. —
Онъ прижды хлопаетъ руками, (6.)
Чубукъ въ алмазахъ съ яншарями (7.)
Рабамъ вошедшимъ опдаешь;
Ужъ конь его Арабскій ждётъ,
Онъ бодро на него садится,
И въ поле чистое лепишь —
Смотрѣшь воинственнѣй джиридъ.
Предъ нимъ, за нимъ несется, мчится
Делисовъ, Мамелюковъ рой, (8.)

И черныхъ Мавровъ легкій спрой;
Гоповы дропки шупые,
Кинжалы, сабли ужъ блестятъ;
Туда всѣ скачутъ, всѣ лепятъ,
Лишь у ворошъ неподкупные
Тапары на часахъ споятъ.

IX.

И подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взираетъ:
Межъ Дарданеллъ онъ сверкали,
Спруились пихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ.
Но онъ, унылый, не видалъ
Ни моря съ синими волнами,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцевъ удалыхъ,
Спремящихся, передъ Пашою,

Шумъ грозный съчей роковыхъ
Представитъ бранною игрою;
Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣваютъ,
Какъ сабли оспрыя мелькаютъ,
И какъ съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ; (9)
Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ
За свисомъ дропиковъ несется,
И какъ въ долину раздается:
Олахъ! Олахъ! ихъ дикой кликъ: (10)
Душа полна мечтой одною
Яфара дочерью молодою.

Х.

Задумчиво сидѣлъ Селимъ,
Печалень, блѣдень, недвижимъ, —
И сквозь рѣшешки онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ.

Вдохнула дѣва, вздохъ невольно
Ея всѣ думы разсказалъ.
Такой внезапною грозою
Душа Зюлейки смущена;
Ахъ! розной съ нимъ — но и она
Ужѣ волнуется поскою
Въ любви младенческой, живой:
У ней пакъ нѣжно сердце билось,
Но вдругъ пеперь въ груди молодой
Невняпно что-то пробудилось,
Какой-то спыдъ, какой-то спрахъ,
И рѣчь нѣмѣешь на успахъ;
И можно ль долго ей шайться?
И какъ начашь? и въ чемъ опкрыться?
«Что можешь такъ его поминь?
«Зачѣмъ ему меня чуждашься?
«Не такъ мы съ нимъ привыкли жить,
«Не такъ намъ должно распаваться!»
И вопъ нарочно вкругъ него
Прекрасная въ раздумьѣ ходишь;

А онъ и взора своего
Ужè на дѣву не возводитъ.
Но чпожъ — кувшинъ въ углу блеспитъ,
Съ Персидской, розовой водою;
Она къ ней весело лепитъ,
И плещетъ лёгкою рукою
На спѣны мраморны съ рѣзбою,
На лапопканные ковры,
Восточной роскоши дары;
Попомъ на милаго взглянула,
Къ нему бросается спрѣлой,
И вдругъ душистою водою,
Рѣзвась, на юношу плеснула;
Но онъ не слышитъ, не глядитъ,
И подъ одеждой парчевою
Вода душистая бѣжитъ
Спудёною по немъ спруёю,
А онъ не чувствуесть. — Селимъ
Сидитъ, какъ мраморъ, недвижимъ.
«Онъ всё молчитъ, поской помимый;»

«Но разгоню его мечты. . .»
«Бывало онъ любилъ цвѣшъ,
«И я ему цвѣшокъ любимый —
«Сама сорву, сама подамъ.»
И дѣва кинулась къ цвѣшамъ,
Весельемъ дѣпскимъ оживилась;
И роза мигомъ сорвана —
И вопшь бѣжишь, и вопшь она
У ногъ Селима очутилась.

* * *

«Любовникъ розы — соловей (11.)
«Прислалъ тебѣ цвѣшокъ свой милой;
«Онъ спанешъ пѣснью своей
«Всю ночь плѣняшь швой духъ унылой.

* * *

«Онъ любитъ пѣшь во тѣмѣ ночей
«И дышишь пѣснь его шоскою;

«Но съ обнадѣженной мечпою,

«Споешъ онъ пѣсню веселѣй.

* * *

«И съ думой пайною моею

«Тебя коснепся пѣнья сладость,

«И напоѣшъ на сердце радость

«Любовникъ розы — соловей.»

XI.

«Но пы цвѣпка не принимаешь,

«И гнѣвъ на гореспномъ челѣ, —

«Ужь пы со мною не играешь!

«Скажи, кому жъ пы миль, какъ мнѣ?

«О, мой Селимъ! о сердцу милый!

«Меня спрашишъ пвой взоръ унылый,

«Уже ль меня пы разлюбилъ?

«Ахъ! если выдумкой напрасной

«Твоей шоски не усладилъ

«И соловей мой сладко-гласной:
«На грудь ко мнѣ склонись, склонись,
«Вошъ поцѣлуй — развеселись.
«Родишель грозный мой съ побою,
«Я знаю, и суровъ, и спирогъ;
«Но ты къ нему привыкнушь могъ,
«И какъ за по любимъ ты мною!
«Увы! не по ль крушишь тебя,
«Чпо за-мужъ выдаюшь меня?
«Османъ, женихъ мой нареченной,
«Онъ, можетъ бышь, онъ недругъ пвой?
«Клянусь же Меккою свяшой,
«Клянусь любовью неизмѣнной,
«Когда не ты велишь мнѣ самъ,
«Султану я руки не дамъ.
«Уже ль, Селимъ, тебя лишишься,
«И сердцемъ мнѣ съ другимъ дѣлишься?
«О! если бъ чпо, какой судьбой,
«Меня съ побою разлучило,
«Кпо будешь другъ — хранишель мой,

«И бышь кому пвоею милой?
«Не билъ, и не пробьешъ для насъ
«Ужасный распаванья часъ!
«Самъ Азраиль, являсь предъ нами, (12.)
«Съ колчаномъ смерти за плечами,
«Спрѣлой одною насъ сразишь,
«И въ прахъ одинъ соединишь!»

ХІІ.

Онъ ожилъ — дышитъ — зрѣтъ —
внимаетъ, —
Онъ дѣву тихо поднимаетъ:
Печали нѣтъ, исчезъ укоръ,
И вся душа въ очахъ сверкаетъ, —
И думы тайной полонъ взоръ.

Какъ спёртый дубами
Пошокъ, разъярясь,
Бушуетъ волнами,

Въ долину спремясь;
Какъ ночью зарницы
Изъ пучи блестятъ, —
Сквозь темны рѣсницы
Такъ очи горятъ.
Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни левъ, уязвленный
Внезапной стрѣлой,
Ни варваръ, смященный
Полночной порой,
Спрашивъ не прещесть,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой,
Какъ онъ — въ пылу любви мятежной,
Дрожалъ при клятвѣ дѣвы нѣжной,
И все, что думалъ, что шайлъ,
Въ порывѣ пламенномъ открылъ.
«Моя, и будешь ты моею!
«Моя и здѣсь, моя и тамъ!

«Мы кляпвой связаны пвоею,

«Она свая обоимъ намъ;

«Ту кляпву, вѣрь, ее внушила

«Тебѣ пайнспвенно любовь.

«Не знаешь ты, какую кровь

«Она одна оспановила.

«Но не блѣдней — побой, въ тебѣ

«Все мило, все священо мнѣ.

«Я всѣхъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,

«У Испакара сокровенныхъ,

«Въ пещерахъ глубоко въ землѣ, (13)

«За кудри не возьму младыя,

«Небрежно въ кольца завишья

«На дѣвспвенномъ пвоемъ челѣ.

«Какъ спрашно пучи надо мною

«Сегодня грянули грозою...

«Мнѣ смѣлъ сказать родителъ пвой,

«Чпо валь и робокъ я душой,

«Чпо будпо я рождень рабой.

«Теперь узнаешь онъ, надменной,

«Кто сынъ рабы его презрѣнной...»
«Увидишь онъ, шаковъ ли я,»
«Чтобъ могъ онъ утѣшить меня.»
«И по тебѣ, быть можешь, снова»
«Я назову его онцомъ.»
«Но о сердечномъ, о святомъ»
«Объятъ насъ ты ни слова.»
«Извѣстенъ мнѣ коварный Бей...»
«Онъ смѣлъ искать руки твоей!»
«Его чины, его имѣнье,»
«Плоды неправды, ухищренья.»
«Онъ съ Негрепонскихъ береговъ, (14)»
«Не лучше родомъ онъ Жидовъ.»
«Но знай, судьба не такъ сурова,»
«Лишь тайной клеветы не опкрой,»
«А споръ ему имѣть со мной;»
«Ужъ мѣсяцъ на чѣрный день гонима —»
«Есть и кинжалы и друзья...»
«И ты не вѣдаешь, кто я.»

ХІІІ.

«Кпо ты? О, чпо жъ ты измѣнился? И»
«Давно ль румяная заря И»
«Весѣлымъ видѣла шебя, И»
«И вдругъ поскою омрачился; И»
«Ты зналъ, нельзя любви моей И»
«Ни охладѣть, ни бытъ живѣй; И»
«Дышу надеждою одною, И»
«Твой взглядъ, улыбку, рѣчь ловишь, И»
«Тобою сердце веселишь, И»
«И жишь, и умереть съ тобою. И»
«И, можешь бышь, ночную пѣнь И»
«За то одно я ненавижу, — И»
«Чпо лишь когда сіяешь день, И»
«Селима я свободно вижу! И»
«Цѣлуй меня, цѣлуй, цѣлуй И»
«Въ уста, и въ очи, и въ ланипы! И»
«Но ахъ! онъ жжетъ — твой поцѣлуй, И»
«Пылаешь въ немъ огонь сокрытый; И»

«Ужь и меня объемлетъ спрахъ,
«Я вся дрожу и пламенью, —
«И спелелся туманъ въ очахъ, —
«И чувствую, что я краснью.
«Хочу я нѣжноспью живой
«Делѣяшь милаго покой,
«Съ нимъ раздѣляшь и жизнь, и сладоспъ,
«И бѣдностъ весело сноситъ...
«Съ тобой во всемъ найду я радоспъ,
«Лишь бы тебя не пережитъ...
«О нѣпъ! нельзя желашъ Селиму
«Еще нѣжнѣе бытъ любиму;
«Любитъ нѣжнѣй могу ли я?...
«Но ты и взоромъ и рѣчами
«Наводишь ужасъ на меня;
«Что за кинжалы, за друзья?
«Какая пайна между нами?
«И кляшву нашихъ двухъ сердецъ
«Хотя бѣ узналъ Яфаръ угрюмой,
«Ужь надъ моей сердечной думой

«Не власпенъ грозный мой отецъ.
«Но вѣрь, Селимъ, моей надеждѣ —
«Не приневолишь онъ меня;
«Могу ль я нелюбить тебя,
«Тебя, кого любила прежде?
«Съ побою вмѣстѣ дѣтскихъ дней
«Часы веселые лепѣли,
«Съ шобой играла въ колыбели, —
«Ты спутникъ младости моей.
«Чтожь хочешь ты, чтобъ мы тайлись
«Въ любви прекрасной и святой,
«Невинной нашею мечтой,
«Которой прежде мы гордились?
«Законы наши, Вѣра, Богъ
«Велятъ намъ жить безвѣстно въ Свѣтѣ;
«Но для меня ль Пророкъ былъ спрогъ
«Въ своемъ тайнственномъ завѣтѣ?
«Въ удѣлѣ, сердцу дорогомъ,
«Онъ все мнѣ далъ въ тебѣ одномъ.
«Ахъ! и меня печаль терзала! —

«Какъ руку незнакомцу дашь?
«Опцу я все бы рассказала;
«Но ты, Селимъ, велишь молчать.
«Съ душой неопытной, простою,
«Ужасень мнѣ обмана видъ,
«И что-то все, грозя бѣдою,
«Какъ тяжкій грѣхъ, меня спрашивъ.
«Но вотъ ужъ кончился Джиридъ,
«И Чекодаръ лепишь обратно; (15.)
«И вотъ опецъ съ забавы рапной;
«Боюсь взглянуть я на него:
«Селимъ, скажи мнѣ, опъ чего?

XIV.

«Зюлейка! ты спѣши укрыться
«Въ высокомъ перемѣ своёмъ;
«Я долженъ, я могу явиться
«Передъ разгнѣваннымъ опцомъ.
«Внезапно съ береговъ Дуная

«Къ намъ вѣспѣ примчалась роковая.
«Визирь писалъ, чшо врагъ разбишъ,
«А самъ опѣ Яуровъ бѣжишъ;
«Но подвигамъ вождя такова
«И у Сулпана мзда гошова.
«Когда же барабанный бой,
«Военнымъ ужинъ и покой,
«Съ вечерней возвѣспишъ зарёю,
«Тогда во шѣмѣ, ни кѣмѣ незримъ,
«Въ гаремъ прокрадешся Селимъ, —
«И мы уйдемъ порой ночью
«Чрезъ садъ, — на берегу морскомъ,
«Уединенномъ и крупомъ,
«Въ шиши бесѣдовашь съ шобою.
«Не бойся, будущъ насъ сперечь
«И шѣмна ночь, и острый мечъ. —
«Гарунъ за насъ, и въ часъ урочный.....»
«Рѣшишь, Зюлейка, не робѣй!
— Робѣшь съ шобой!

«Иди жѣ скорѣй,

«Гарема ключъ въ рукъ моей;
«Узнаешь ты, во тьмѣ полночной,
«Мой рокъ, мой страхъ, мои мечшы,
«И я не то, чпо мнила ты.»

НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Надъ Геллеспонтомъ вѣшерь дуешь,
Клубишь волнами и бушуешь,
Какъ предъ грозою роковой,
Когда погибъ, въ ночи ужасной,
Топъ юный, смѣлый и прекрасный,
Что былъ единственнѣйшей мечшой
Сеспоса дѣвы молодой.

Бывало — только тѣнь сгустился,
И вѣщій факель загорится,
Тогда хопъ вѣперъ и шумитъ,
Хопъ море гнѣвное кипитъ,
И съ пѣной къ берегу несется,
И небо тьмится черной мглой,
И пшицъ морскихъ спаница вьется,
Перекликаясь предъ грозой:
Но онъ сморѣтъ, внимать не хочетъ,
Какъ небо тьмится — валъ грохочетъ,
Все факель свѣпился въ очахъ,
Звѣздой любви на небесахъ;
Не шумъ грозы, но помной дѣвы
Все слышатся ему напѣвы:
«Неси, волна, въ полночной тѣмѣ,
«Скорѣ милаго ко мнѣ.»
Вошъ спарина, — и намъ дивисься
Не должно ей, — бытъ можетъ, вновь,
Пылаютъ сердцамъ великъ любовь,
И эша былъ возобновишся.

II.

Надъ Геллеспонтомъ въпрѣ шумишь;
Онъ волны черныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубишь; —
И, разспилаясь пѣнь ночная,
На полъ помъ уже легла,
Гдѣ шакъ напрасно кровь шекла;
Скрываюшъ мрачныя туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ;
На ней замѣшны, здѣсь и шамъ,
Одни могильныя курганы.
Ни ужасъ бившъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто бѣ опъ мрака не спаслося,
Безъ пѣсень нищаго слѣща
Съ холмовъ кремниспаго Хіоса.

III.

И я былъ шамъ! и видѣлъ я
Топъ брегъ, мечпы священной полный;

И я былъ шамъ!... шамъ и меня
Кипучія носили волны.
Пѣвецъ! когда жъ удался мнѣ,
Въ швоей минувшаго спранѣ,
Томиму думою высокой
Бродишь опять по шѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное поняшно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокой
Оспанки славные хранишь,
И гдѣ, какъ прежде, все шумишь,
Шумишь швой Геллеспоншъ широкой: (16)
И бѣденъ, бѣденъ шопъ душой,
Кпо предъ завѣшной ихъ красою,
Пѣвецъ! рассказъ чудесный швой
Счишаетъ выдумкой одною.

IV.

Одѣлись волны черной мглой,
И съ мракомъ ужасъ ночь наводишь,

А надъ шуманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходишь.
О, Ида! онъ съ своихъ высотъ,
Бывало, свѣтъ дрожащій льетъ
На поле битвъ; но смолкло поле —
И нѣтъ на немъ тѣхъ ранихъ болъ,
Которымъ часто въ тѣмъ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь паспухи, въ ихъ мирной долъ,
Когда онъ свѣпшишь веселѣй,
Пасушь спадъ вокругъ могилы
Того, кто, славный и молодой,
Сраженъ Дарданскою стрѣлой;
Здѣсь возвышался холмъ унылый,
Здѣсь сынъ Аммона горделивый, (17)
Свершая призу, пировалъ;
Сей холмъ народы воздвигали,
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безъимянной здѣсь пустынѣ

Почти опъ взоровъ скрылся нынѣ.
О пы, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
Пришлецъ одинъ на немъ мечтаетъ
О томъ, кого и въ гробъ нѣтъ,
И свой задумчивый привѣтъ
Пустыннымъ въпрямъ повѣряетъ.
Нашъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
Но твой — исчезъ и самый прахъ.

V.

Взойдетъ, взойдетъ въ свой часъ урочной
Сребристой рогъ луны полночной,
Ушъшипъ мирныхъ паспуховъ,
И спрахъ опгонишъ опъ пловцовъ;
Но до луны, всё пьма скрываетъ;
Маякъ на взморьѣ не пылаетъ,
И въ мгль шуманной легкій чёлнъ
Ныряетъ робко между волнъ.

Вездѣ, вдоль берега морскаго,
Въ домахъ свѣпилися огни, —
Но вошъ, одинъ послѣ другаго,
Ужѣ попухнули они;
Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зюлейки свѣтъ блеспишъ, —
Лишь у нея, въ ночи глубокой,
Лампада поздняя горишъ,
И пускло свѣпишъ пламень помной
Въ диванной пихой и укромной,
Блесня на шканяхъ золопыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янпарей душистыхъ
Вошъ чепки дѣвы молодой,
Кошорыя, въ молипвахъ чистыхъ,
Она лилѣйною рукой
Такъ набожно перебираешъ, (18.) —
И въ изумрудахъ вошъ сіяешъ
Съ словами Курзи шадизманъ;
Ахъ, чшождъ она его забыла!

Въ нёмъ тайная хранился сила,
И ей онъ матерью былъ данъ; (19.)
И съ комболойё вопъ Коранъ, (20.)
Разкрашенъ яркими цвѣтами;
А подлѣ, съ пестрыми каймами
Тепради пѣсень и стиховъ
Счастливей Персіи пѣвцовъ,
И люпня, бывшая подруга
Ея веселаго досуга, —
И вокругъ лампы золошой
Цвѣтущъ цвѣты, благоухая,
Въ фарфорѣ расписномъ кипая,
И дышащъ свѣжею весной! —
И пышные ковры Ирана,
И ароматы Шелистана,
И все здѣсь, дивною красой,
И взоръ и чувство услаждаетъ.
Но что-то тайною тоской
Невольно сердце замираетъ.

Сама гдѣ Пери? — гдѣ жъ она? —
И воешь въпрѣ, и ночь шемна́.

VI.

Подъ сободемъ пушистымъ, чернымъ,
Сокрывъ опъ выюги нѣжну грудь,
Она, несмѣя и дохнушь,
Съ проводникомъ своимъ безмолвнымъ,
Проходишь препешной спопой
Куспарникъ дикій и гуспой.
Когда жъ въ полянѣ вихрь промчипся,
И вдругъ завоешь, засвиспишь,
То дѣва бѣдная дрожишь,
Назадъ хопѣла бѣ возвращишься;
Но опъ Селима какъ опспашь,
Какъ на любезнаго ропшашь?

VII.

И вопъ спезей уединенной
Пришли къ пещеръ опдаленной,
Гдѣ часто съ люпнею въ рукахъ
По вечерамъ она пѣвала,
И набожно Коранъ чипала,
Носясь въ младенческихъ мечтахъ
Дѣвичьей думой, въ небесахъ.
Чпо будетъ съ женскими душами, —
Пророкъ ни слова не сказалъ;
Но ясными вездѣ черпами
Селиму вѣчноспѣ общалъ.
«Ахъ! и въ пѣни садовъ чудесныхъ,
«И въ свѣплыхъ радоспяхъ небесныхъ,
«Селимъ вспоскуется по мнѣ,
«Ему такъ милой на землѣ.
«О, нѣпъ! возможно ль, чпобъ иная
«Такъ нѣжно съ нимъ умѣла жипъ, —

«И будто можетъ дѣва рая
«Спросишьъ меня, его любишь?»

VIII.

Но видъ пещера измѣнила,
Съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ
Зюлейка памъ досужный часъ
Въ сердечныхъ думахъ проводила.
Быть можетъ то, что мракъ ночной
Давалъ пещерѣ видъ иной,
Гдѣ пламень синевапый, блѣдной
Едва пылалъ въ лампадѣ мѣдной.
Но что въ лучахъ его блеспишь?
Что чудное въ углу лежишь?
То были сабли и кинжалы;
Но съ таковыми въ бой лепишь
Не грозный обожапель Аллы,
А носишь рапъ чужой земли.
И вопъ одинъ кинжалъ въ крови!...

Не льепся кровь безъ злодѣянья .
И шупъ же чаша ликованья ,
И не шербепъ былъ въ чашѣ той.
Она глядишъ, не понимаешъ, —
На друга робко взоръ бросаешъ.
«Селимъ! Ахъ, ты ли предо мной?»

IX.

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой: —
Исчезла гордая чалма,
И шалью обвита пунцовой
Его молодая голова;
Нѣшъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
Но два чеканныхъ пистолева
За пёспрымъ широкимъ кушакомъ,
И сабля легкая звенѣла, —
И понкій спанъ его одѣла
Небрежно сброшенна съ плеча

Изъ бѣлой шкани епанча ,
Какую носятъ Кандіоты ,
Пускаясь въ буйные налёты ;
Не панцырь грудь его хранишь , —
Она подъ сѣпкой золопою ;
И обувь спранныя гремишь
Серебряною чешуёю ,
Но чинъ высокой онъ являлъ
Осанкой гордою своею ,
Хотя казалось , что споялъ
Галіонджи простой предъ нею. (21.)

X.

«Ты видишь правду пайныхъ словъ :
«Что я — кто я — ни кто не знаетъ ;
«Мой рокъ мрачнѣе спрашныхъ словъ ,
«И многимъ горе предвѣщаетъ .
«Но какъ молчаешь , стерпѣшь ли мнѣ ,
«Чтобъ мужемъ былъ Османъ тебѣ ?

Доколѣ мнѣ поско́й мяпежной
Ты не явила спраспи нѣжной, —
Я долженъ былъ, я самъ хотѣлъ
Таить мой бѣдспвенный удѣлъ;
Не пламенной моей любовью
Теперь я спану убѣждаю :
Любовь я долженъ доказать —
Годами, вѣрностью и кровью ;
Но ты не будь ни чьей женой,
И я не братъ, Зюлейка, твой.»

XI.

«Не братъ? и мнѣ себя чуждаюсь?
Творецъ! ропшаю я не должна.
Но, ахъ! ужё ль я рождена
Безродной по землѣ скипаюсь,
Безъ милаго на свѣтѣ жию?
Меня не будешь ты любить!
И я увяну сиротою.»

«Но знай: и въ горести моей
«Останусь другомъ я — сеспрою —
«Зюлейкой прежнею пвоей.
«Быть можешъ, жаль тебѣ рѣшишься
«Младую жизнь мою пресѣчь,
«А долженъ мспить; возьми же мечъ —
«Вопъ грудь моя! чего спрашишься?
«Сноснѣе плѣшь въ землѣ сырой,
«Чѣмъ жить и бытъ тебѣ чужой.
«Судьбы жестокаго удара
«Теперь причину вижу я,
«Яфаръ Онъ вѣчно гналъ тебя
«А я, увы! я дочь Яфара!
«Спаси меня! . . . хопъ не сеспрой,
«Пусшь буду я пвоей рабой.»

XII.

«Зюлейка, ты моей рабою! . .
«Пророкомъ я клянусь! Селимъ

«Всегда, вездѣ, на вѣкъ пвоимъ!
«Счастлива нѣжною мечшой,
«Ты слёзъ не лей передо мною. —
«Взгляни на мечъ завѣпный мой,
«Корана съ надписью свяшой! (22)
«Пускай сей мечъ въ день шумной брани
«Позоромъ ослабѣлой длани
«Не защищитъ въ бою меня,
«Когда обѣпъ нарушу я.
«Прелестный другъ — души опрада —
«Соединимся мы пѣснѣй
«Теперь исчезла намъ преграда,
«Хопъ лично мнѣ Яфаръ злодѣй. —
«Ему былъ брапомъ — мой родипель;
«Онъ тайно брапа умершвилъ;
«Но однокровнаго губипель
«Меня, младенца, пощадилъ;
«И сиропу — онъ, Каинъ новый (23)
«Хопѣлъ себѣ порабопипъ,
«Какъ львенка, думалъ заключипъ

«Обманомъ въ тяжкія оковы,
«И щился строга наблюдашь,
«Чтобъ я цѣпей не смѣлъ порвать; —
«Его обидъ я не забуду;
«Кипишь во мнѣ опцова кровь;
«Но въ томъ порукою любовь,
«Что для тебя — я мстишь не буду.
«Однако жъ вѣдай, какъ Яфаръ
«Свершилъ злодѣйскій свой ударъ!»

XIII.

«Какъ яроснь братьевъ раздраженныхъ
«Вспылала гибельной грозой,
«Любовь, иль честь шому виной, —
«Не знаю я; — въ душахъ надменныхъ
«Обидъ малѣйшихъ даже видъ
«Вражду смертельную родишь.
«Опець мой, Абдала, всѣхъ болѣ
«Врагамъ былъ спрашенъ въ рашномъ полѣ,

«Еще поднесь его дѣла
«Боснійцы въ пѣсняхъ величаютъ,
«И рапники Пасвана знаютъ, (24.)
«Каковъ былъ смѣлый Абдала.
«Я расскажу Зюлейкѣ нынѣ
«О горестной его кончинѣ,
«Какъ онъ коварства жертвой палъ,
«И, о моей узнавъ судьбинѣ,
«Какъ я навѣкъ свободнымъ спалъ.»

XIV.

«Когда Пасванъ въ спѣнахъ Виддина
«Ужѣ не жизнь одну спасалъ,
«А самъ Султану угрожалъ;
«Тогда Паши вокругъ власпелина
«Спеклись, раздоръ забыли свой,
«И двинулись съ мятежнымъ въ бой.
«Два брата сабли обнажаютъ, —
«При каждомъ вѣрные полки, —

«Раскинушъ спанъ, и бунчуки
«Въ поляхъ Софійскихъ развѣваюшъ.
«Но Абдалы надежный мечъ
«Напрасно ждалъ кровавыхъ сѣчь.
«Онъ мнилъ, что съ брапомъ примирился,
«И въ небеса переселился,
«Роднымъ злодѣемъ оправленъ.
«Однажды, бывши упомянутъ
«Звѣриной ловлею и жаромъ,
«Вкушалъ въ купальнѣ онъ покой,
«И рабъ, подкупленный Яфаромъ,
«Ему напишокъ роковой (25.)
«Поднесъ; онъ взялъ безъ подозрѣнья,
«И смерть... не вѣрь моимъ словамъ,
«Гарунъ рѣшилъ твой сомнѣнья,
«Спроси его, Гарунъ былъ шамъ.»

XV.

«Ударъ свершенъ, Пасванъ надменный,
«Разбитый, но непобѣжденный,

« Войну пресѣкъ, — родишель твоей
« Берёшь неправедною мздой
« Удѣлъ и санъ высокій брата;
« Такъ подлой наглостью своей
« Въ Диванъ все, цѣною злата,
« Искапшель низкой и злодѣй
« Доспанешъ; — наши земли, правы,
« Его измѣны плодъ кровавый,
« Онъ получилъ. Нѣтъ нужды въ томъ,
« Чшо въ даръ богатство распочаешъ,
« Ушрапу новымъ грабежемъ
« Яфаръ обильно замѣняешъ.
« Ты спросишь: какъ? — Взгляни сама
« На селъ, полей опустошенья,
« И подъ жестокостью ярма
« Рабовъ несчастныхъ изнуренья.
« Спроси, какъ вымученный пошъ
« Ему сокровища даешъ.
« Почшо жъ младенецъ безнадёжной
« Спасень опъ смерти неизбѣжной,

«Зачѣмъ суровой пвой опецъ
«Его пріемлешъ въ свой дворецъ;
«Не знаю; спыдъ, иль сожалѣнье,
«Иль дѣпской слабости презрѣнье,
«Иль безъ сыновъ онъ, можетъ бытъ,
«Хотѣлъ меня усыновить,
«Иль замысль непонятный, тайной
«Тому причиною случайной.
«Но намъ ли вмѣстѣ можно житьъ?
«Въ обоихъ гнѣвъ неперпѣливый
«Всечасно разгорался вновь;
«Его спрашилъ мой духъ кичливой;
«Я зрѣлъ на немъ опцову кровь.»

XVI.

«Враги Яфаровы таятся;
«Не всякъ попъ вѣрность сохранилъ,
«Кого онъ кормилъ и поилъ.
«Когда бъ они могли дознаться,

«Что было съ Абдалой, кшо я, —
«Тогдабъ ему не жить и дня.
«Они лишь ждуть, чшобъ сердцемъ смѣлой
«Ихъ вель на дерзосное дѣло;
«Глядяшъ, чшобъ буйною рукой
«Имъ знакъ былъ поданъ роковой.
«Но пьма судьбу мою скрываетъ;
«Одинъ Гарунъ всю тайну знаетъ.
«При Абдалѣ воспитанъ онъ,
«И спражемъ былъ опцовыхъ жёнъ.
«Онъ видѣлъ спрашную кончину;
«Но чшо невольникъ могъ начашъ?
«Владыки смершъ ему ль опмщашъ?
«Онъ жизнь спасши рѣшился сыну.
«Гарунъ меня младенца взялъ,
«И въ день, когда въ чаду киченья
«Губишель гордый пировалъ,
«Осиротѣлый, безъ призрѣнья
«Я у ворошъ его споялъ.
«Гарунъ молилъ — и ненапрасно

«Объ участи моей несчастной.

«Яфаръ вельль пайпъ — кпо я,

«Опъ всѣхъ, — но болъ опъ меня;

«И въ Азію съ береговъ Дуная,

«Далеко опъ Румельскихъ спранъ,

«Свое злодѣйство скрыпъ желая,

«Уѣхалъ сумрачный пиранъ;

«Но мнѣ Гарунъ опкрылъ обманъ.

«Узналъ наперсникъ боязливой,

«Весь ужасъ пайны злочесливой;

«Онъ измѣнипъ спремился ей;

«Алла пакъ злобныхъ наказуешъ;

«Онъ имъ общниковъ даруешъ,

«Но не даруешъ имъ друзей.»

XVII.

«Мой рокъ невольно успрашаешъ;

«Но правды я не ушаю,

«Хочя разсказъ мой и смущаешъ

«Невинность робкую твою;
«Замыпиль я, какъ ты дрожала,
«Когда Селима узнавала
«Въ одеждѣ спральной; но ужь я
«Её носилъ — она моя:
«Твой юный другъ, съ которымъ вѣчно
«Ты кляпвой связана сердечной, —
«Начальникъ шайки удалой;
«Намъ жизнь, успавъ — одинъ разбой.
«И если бъ ты узнала боль
«Объ нашей въ морѣ буйной долѣ;
«Тогда бъ еще удвоилъ страхъ
«Лицеи на твоихъ щекахъ.
«Вопъ эша збруя боевая
«Моей толпой принесена;
«Вблизи скрывается она;
«Когда же чаша круговая
«Въ пиру морскомъ осушена;
«То удалцы мои суровы
«На всё дешашъ, на всё гоповы;

«Пророкъ нашъ долженъ имъ простишь
«Веселой грѣхъ — вино любишь.»

XVIII.

«Что было дѣлать? жишь въ презрѣньи?
«Дышаешь свободой въ започеньи?
«Яфаръ боялся ужь меня,
«И ни кинжала, ни коня
«Мнѣ дашь не смѣль, а предъ Диваномъ
«Онъ правду запымѣвалъ обманомъ,
«Что будьшо въ поле спрашно мнѣ
«Лепѣшь съ кинжаломъ на конѣ;
«Пророкъ шо знаешь — въ бой кровавый
«Спѣшишь одинъ злодѣй лукавый, —
«А я въ гаремъ между жёнъ
«И безъ надежды, и безъ славы
«Томлюсь, Гаруну поручёнъ; —
«Тогда ты ласкою безцѣнной
«Меня утѣшишь не могла;

«Устрашена грозой военной,
«Въ далёкомъ замкѣ ты жила.
«Я пляжкой праздностью помился,
«Но волю мнѣ на время дашь
«Гарунъ изъ жалости рѣшился, —
«Лишь я былъ долженъ обѣщать
«Явись же прежде къ намъ въ обитель,
«Чѣмъ съ поля брани твоей родилась.
«О, нѣтъ! сказать не въ силахъ я,
«Какъ сердце билось у меня,
«Когда свободными очами
«Узрѣлъ я вдругъ и тѣмный лѣсъ,
«И синю даль, и блескъ небесъ,
«И море съ яркими волнами.
«Въ пучины моря — въ небеса,
«Казалось, духъ мой проникаетъ;
«Казалось мнѣ, онъ поспѣваетъ
«Всѣ тайны ихъ, всѣ чудеса.
«Съ тѣмъ чувствомъ новымъ: я свободенъ!
«Воспоргъ мой былъ съ безумьемъ сходенъ.

«Тогда я розно былъ съ побой;
«И не груспилъ; — я пой порой
«Владѣлъ и небомъ и землѣй.»

XIX.

«Проспясь съ печальными брегами,
«Я съ Маврскимъ опышнымъ пловцомъ
«Сспремилъ мой бѣгъ межъ островами,
«Блеспящими надъ влажнымъ дномъ
«Жемчужно - пурпурнымъ вѣнцемъ
«Свяпаго спарца Океана.
«Я видѣлъ ихъ. — Но жребій мой
«Гдѣ свѣлъ насъ съ буйною полпой,
«Какъ власпъ дана мнѣ Ашамана,
«И какъ навѣки рѣшено,
«Чпо жизнь и смерпъ намъ за - одно, —
«Я разсказапъ тебѣ успѣю,
«Когда, чпо въ думѣ я имѣю,
«Ужъ нами будетъ свершено.»

XX.

«Я радъ неспись шумящими зыбями;
«Скипаться радъ въ кибикъ кочевой; (26)
«Мнѣ душно жить за пышными спѣнами;
«Люблю шатёръ, люблю челнокъ проспой.
«О милой другъ! всегда, вездѣ со мною
«И на конѣ, мнѣ спутница въ степяхъ,
«И по волнамъ, на легкихъ парусахъ;
«Ты правь конемъ, ты правь моею ладьею,
«Ты будь моею надежною звѣздою!..
«Ты освѣпишь мой жребій роковой,
«Мнѣ принесешь Небесъ благословенья;
«Лепи, лепи въ ковчегъ мятежной мой,
«Какъ благодать, какъ голубь примиренья;
«Иль въ страшный часъ во мракъ бурныхъ
дней
«Будь радугой прекрасною моею;
«Зажгись зарей вечерней надъ холмами,
«Пророческимъ огнемъ межъ облаками;

«Свята — какъ свящъ Муйциновъ Мекки
гласъ

«Поклонникамъ молитвы въ тихій часъ, —

«Плѣнительна — какъ пѣсни звукъ
любимой

«Въ мечтахъ молодыхъ поской неизъя-
снимой ;

«Мила — какъ миль напѣвъ земли родной

«Изгнаннику въ спранѣ ему чужой;

«Такъ будешь мнѣ опрадою безцѣнной

«Рѣчь нѣжная подруги несравненной.

«Пріютишь, какъ рай въ часъ юности своей

«На островахъ, цвѣшущихъ красою,

«Съ моею рукой, съ любовію моею

«Тебѣ готовъ; шамъ дышишь всёю побоею,

«Тамъ сонными мечи уже блестятъ,

«Они спасушь, и грянушь, и сразяшь.

«Съ побоею я, — а шайка удалая

«Вдоль по морю помчится разъѣзжая,

«И для тебя, подруга молодая,

«Чужихъ земель наряды опбиваешь.

«Въ Гаремъ жизнь скучна, какъ плѣнь
тяжелый ;

«У насъ свѣтла безпечностью веселой.

«Я знаю, рокъ грозѣе съ каждымъ днемъ

«Несется въ слѣдъ за дерзкимъ кораблемъ;

«Но пусть бѣда отважныхъ настигаетъ,

«Судьба тѣснитъ и дружба измѣняетъ;

«Все уладитъ любовь твоя одна.

«Прелестный другъ ! съ той душою

сердечной ,

«Что ты моя, что ты вѣрна мнѣ вѣчно,

«Печаль лепитъ — и гибель не спрашна.

«Равна любовь, равно къ бѣдамъ презрѣнье,

«Съ тобой во всемъ найдется наслажденье,

«Заботы, грусть и радость пополамъ;

«Все ты — все я — и нѣтъ разлуки намъ.

«Мою любовь она лишь ужасаетъ:

«Яфаромъ ты Осману отдана;

«Бѣги со мной! и страхъ мой исчезаетъ;

«Попущень въпрѣь, ночь тихая темна.

«Чеша любви ненастья не робѣетъ,
«Въ опасной тѣмѣ надъ нею радость
вѣетъ.

«Бѣжимъ, бѣжимъ, о, милая! съ побой
«Оспрадно все: — и дышатъ красою
«Моря и степь; — въ тебѣ весь міръ
земной!

«Пусть вѣтръ шумитъ спрашивъ и
спрашивъ,

«Прижмешься ты къ груди моей пѣснѣ! —

«Не ужаснетъ часъ гибельный меня!

«Лишь о тебѣ молишься буду я.

«Что буйный вѣтръ? что бездны Океана?

«Спрашисъ любовь коварства и обмана!

«Насъ гибель ждешь въ гаремѣ, не въ
моряхъ;

«Тамъ мигъ одинъ, а здѣсь вся жизнь въ
бѣдахъ.

«Но — прочь отъ насъ тяжелыхъ думъ
волненья!

«Рѣшись скорѣй! наспалъ ужё для насъ
«Иль часть бѣды, или свободы часть.
«Мы жертва здѣсь и гордости, и мщенья.
«Яфаръ мнѣ врагъ! и хочешь дерзкой Бей
«Насъ разлучишь, — тебѣ Османъ злодѣй!»

XXI.

«Гарунъ опъ казни и упрёка
«Избавленъ мной; въ сераль до срока
«Я прибылъ, — здѣсь не каждый зналъ,
«Какъ я по островамъ скипался;
«Кто тайну вѣдалъ, — умолчалъ, —
«И я начальникомъ оспался
«На все гошовыхъ смѣльчаковъ;
«Рѣшишель дерзоспныхъ шудовъ,
«Я ихъ въ разъѣзды рассылаю,
«Межъ нихъ добычи раздѣляю;
«И жалко мнѣ, что рѣдко самъ

«Пускаюсь съ ними по волнамъ.
«Но ужь пора! во шьмъ глубокой
«Все тихо! чёлнъ мой не далеко;
«Ужъ въперъ въспя въ парусахъ;
«Бѣжимъ! оставимъ гнѣвъ и спрахъ
«На здѣшнихъ мрачныхъ берегахъ!
«Османъ пусть явился съ зарёю;
«А ты свободна — ты со мною!
«И если эпошъ гордый Бей
«Жишь долженъ, — и опца роднаго
«Спаси опъ часа роковаго
«Ты хочешь, — о, бѣги скорѣй!
«Бѣги! Когда жъ судьбы моей
«Узнавъ всю пайну безъ обмана,
«И кляпву сердца, и мечпы
«Любви молодой забыла ты, —
«Я остаюсь, я жду Османа!
«Тебѣ не быть его женой, —
«Не быть, чшобъ ни было со мной!!»

XXII.

И неподвижная, нѣмая
Спояла дѣва молодая ;
Такъ намъ рѣзецъ изобразилъ,
Какъ мать въ печали безоправданной
Вдругъ обратилась въ камень хладный ;
Лишенная и чувствъ и силъ,
Отамъ она являла поже ;
Лишь, бѣдная, была моложе.
Но, спреха тайнаго полна —
Едва опомнилась она ,
Какъ видишь, у ворошъ садовыхъ
Вдругъ блещетъ факель роковой . . .
Блеснулъ одинъ, — блеснулъ другой ,
И много, — и огней багровыхъ
Свѣтъ яркой озаряетъ садъ.
«Бѣги!... ты больше мнѣ чѣмъ братъ!»
И въ красномъ заревѣ съ мечами
Злодѣи видны межъ кустами.

Они бѣгутъ, они лепяшъ
По роцамъ, въ просѣкахъ мелькаюшъ,
Кинжалы, факелы сверкаюшъ.
Спрашивъ всѣхъ Яфаръ бѣжитъ,
Бѣжитъ къ пещерѣ опдаленной,
И машетъ саблей обнаженной,
И гнѣвомъ бѣшенства кипитъ.
Селимъ! уже ль судьба рѣшила,
Чтобъ здѣсь была твоя могила?

XXIII.

Опважный смоприпъ: «билъ мой часъ —
«Зюлейка! скоро всё свершился!
«Цѣлуй меня въ послѣдній разъ.
«Но близко наши, — къ нимъ домчипся
«Призывный звукъ, — узряшъ они
«Въ кустахъ багровые огни;
«Ихъ мало . . . но — чего спрашивъся!»
Вдругъ изъ пещеры онъ стрѣлой, —

Чеканный писполептъ хващаетъ:
Раздался выспрѣлъ въсповой, —
И дѣва въ горести нѣмой
Безъ слезъ опъ спраха обмираетъ.
«Не слышно . . . чпо жь! . . . и
приплывутъ,
«Но ужь Селима не найдутъ.
«На выспрѣлъ мой бѣгутъ шолпою
«Злодѣи ближнею шропою:
«Такъ обнажись опцовской мечъ!
«Ты не видалъ подобныхъ сѣчь.
«О, другъ! проспи! чрезъ рощу тайно
«Иди съ надеждой во дворець.
«Тебѣ разгнѣванный опецъ
«Проспишъ. Но ахъ, чпобы случайно
«Свинецъ вблизи не просвиспалъ,
«Чпобъ въ очи не блеснулъ кинжалъ.
«Иди . . . Не бойся за Яфара;
«Пуспъ ядъ былъ данъ его рукой,
«Пуспъ скажетъ: робокъ я душой;

«Не дамъ ему — не дамъ удара;
«Но ихъ — я радъ, готовъ разить;
«Меня ль убійцамъ успрашивъ!»

XXIV.

И онъ, какъ вихрь, на склонъ прибрежной
Спремился, выхвативъ свой мечъ;
Вошъ первый изъ толпы мятежной;
Его глава скапилась съ плечъ.
Вошъ и другой; мечъ снова блещетъ, —
И трупъ у ногъ его шрепещетъ.
Но ужъ онъ самъ со всѣхъ споронъ
Толпою буйной окружонъ.
Селимъ съчѣтъ ихъ, колешъ, рубишъ;
Доспигъ до волнъ береговыхъ,
И видишъ въ моръ удалыхъ.
Уже ли рокъ его погубишъ!
Къ нему беспрашные въ бояхъ
Лепяшъ на бѣлыхъ парусахъ;

О! дуй сильнѣе вѣтръ попушной!
Они спѣшаютъ, — они гребутъ,
И съ лодки въ море — и плывутъ,
И сабли блещутъ въ пѣнѣ мушной;
Ихъ дикой взоръ, какъ жаръ горишь,
Съ одеждъ, съ кудрей вода бѣжишь, —
Вскочили, . . . вскрикнули, . . . сразились;
Кипишь въ саду шумящій бой;
Но гдѣ жъ Зюлейки другъ молодой?
Чьей кровью волны обагрились?

XXV.

Опѣ вражьихъ стрѣлъ, опѣ ихъ мечей
Неуязвленный, невредимый,
Толпой неисповыхъ тѣснимый,
Ужъ онъ на взморѣ, межъ друзей;
Ужъ вѣрная ладья манила
Его къ привѣснымъ островамъ;
Уже рука его врагамъ

Надъ ясной влагою морскою, —
И бурныхъ волнъ прибрежныхъ шумъ
Уноситъ ропотъ тайныхъ думъ. —

XXVI.

Ужѣ разсвѣтъ, — клубяся пучи, —
Въ шуманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ
Давно замолкъ; — но берегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарей
Слѣды тревоги боевой,
Обломки сабли припупленной,
И мечъ еще окровавленный.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ руки, роясь, замирали, —
И подъ кустомъ не вдалекѣ
Курился факель обгорѣлый.
Вошъ опрокинутый челнокъ

Волною брошенъ на песокъ,
И епанча изъ пѣкани бѣлой
Въ крови, пробитая свинцомъ,
Виситъ на прорубникѣ морскомъ, —
И быстрой плескъ волны упорной
Ошмытъ не можешь крови черной;
Но гдѣ же топъ, съ чьего плеча,
Въ крови упала епанча?
О! если бѣ сердце чье хотѣло
Оплакать горестное тѣло, —
Пускай его, пусть ищешь тамъ,
Гдѣ море и кипитъ, и блещетъ,
И подъ скалой Сигейской плещетъ,
Спремясь къ Лемносскимъ берегамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьются,
Ужъ хладный прутъ клевать несущся,
И онъ безчувственный плыветъ
По произволу бурныхъ водъ, —
И, колыхаяся съ волною,
Качаетъ юной головою,

Всплываешь, понешь, и порой
Какъ бы грозить еще рукой.
И пусть клюютъ морскія пщицы
Его, лишеннаго гробницы;
Иль дикой крикъ и клевъ спрашнѣй
Тлепворныхъ гробовыхъ червей?
Былъ другъ одинъ, былъ ангелъ милый,
Прекрасный спутникъ прежнихъ дней;
Она одна душой унылой
Грустила бъ надъ его могилой, —
И сполбъ съ надгробною чалмой (27.)
Кропила вѣрною слезой;
Но свѣтлой взоръ ея запымился, —
И пламень жизни въ ней погасъ
Тогда, какъ рокъ его свершился,
Какъ билъ ему послѣднѣй часъ.

XXVII.

Надъ Геллеспонтомъ вопль и споны!
Унылы мужи — плачутъ жены;

Звѣзда любви, Яфара дочь
Послѣдняя семьи надменной!
Спѣшилъ — скакалъ и день и ночь,
Но опоздалъ пвой обрученной;
Не зрѣшь ему красы пвоей,
Не для его она очей.
И *Вулеулла* къ нему порою (28.)
Неселся съ вѣспью гробовою.
Плачь громкой на пвоемъ крыльцѣ
Подругъ, блѣднѣющихъ въ лицѣ;
Рабовъ безмолвныхъ видъ печальный, —
Корана пѣсни погребальной
Пропляжный хоръ, — спенанья, вой,
Ему расскажутъ жребій пвой.
Селима падшимъ пы не зрѣла,
Когда въ ночи на спрашной бой
Твой другъ пошелъ, пы обомлѣла;
Онъ былъ надеждой свѣплыхъ дней,
Любовью, радостью пвоей.
Ты видишь — смерть неизбежима; —

Ужь не спаспи тебѣ Селима;
И сердце кровью облилось,
Въ послѣднее запрепешало,
Вдругъ дикой вопль . . . , разорвалось,
И разомъ бипься переспало,
И пихо все — все пихо спало.
Миръ сердцу швоему! и миръ
Надъ дѣвспвенной швоей могилой!
Ты счастлива — любви кумиръ;
Тебя плѣнялъ мечпою милой;
Одинъ ударъ тебѣ сразилъ;
Онъ вдругъ мечпы швой убилъ,
Но вѣры къ нимъ не погубилъ.
Ты жизнь такъ радоспно встрѣчала,
Ты не боялась, ты не знала
Разлуки, ссоры роковой,
Спѣсненной гордоспи позора,
И злобы съ тайной клеветой,
И мрачной совѣспи укора,
Ни язвы шой О! чѣрныхъ дней ,

Ночей ужасныхъ плодъ унылый,
Безумспѣва дикаго спрашивъ,
Она какъ червь — жилецъ могилы —
Не упихаетъ, не уснѣтъ;
И этакъ червь въ душѣ гнѣздитъ,
Не перпитъ свѣта, тѣмы спрашивъ;
Онъ сердце почиетъ, сердце рветъ
И все мерзвитъ, а самъ не мретъ.

Бѣда тебѣ! свершилъ злодѣянья!
Напрасно ты главу опепелилъ,
И слезы льешь въ одеждѣ покаянья!
Кто Абдалу — Селима кто убилъ?
Ты назвалъ дочь невѣстою Османа....
Та, чья краса плѣнила бѣ и Султана
Опрада, честь твоихъ преклонныхъ
лѣтъ...

О! рви власы, злодѣй! ее ужь нѣтъ!
И нѣтъ тебя, ужь нѣтъ, звѣзда младая!
Родимыхъ волнъ и прелести и любовь,

Твой блескъ погасъ, его запъмила кровь.
Злодѣй! спросишь, та кровь была родная;
Терзайся вѣкъ, ищи ее вездѣ:
«Гдѣ дочь моя!» и опъзывъ скажешь:

гдѣ? (29.)

XXVIII.

Въ долинь межъ кустовъ блиспая,
Могильныхъ камней видѣнь рядъ,
И кипарисы шамъ шумящъ;
Не вянешъ зелень ихъ густая;
Но вѣшви, темные лиспы
Печальны, какъ любовь младая
Безъ упованья и мечпы.
Въ долинь пой еспъ холмъ унылый,
Одѣшъ муравчапымъ ковромъ,
И роза бѣлая на нёмъ
Одна надъ пихою могилой
Цвѣшешъ, — но пакъ нѣжна, блѣдна,

Какъ бы поской посажена.
Она сама груспитъ, помился, —
И чуть повѣетъ въперокъ,
Ужè и спрашно за цвѣпокъ.
Но что жъ! и буйный вихрь промчится,
И грянетъ громъ, и дождь польётъ,
А роза всё цвѣпётъ, цвѣпётъ;
И если кто грозы вредитъ
Её сорвётъ, — свѣжѣй, милѣ
Она съ румяною зарѣй
Опятъ надъ мягкой муравой.
Иль геній пайный, но чудесной
Кропитъ ее росой небесной,
И пѣспунъ розы молодой?
Межъ дѣвъ Эллады слухъ несется,
Что роза не цвѣпокъ земной,
Когда ни дождь, ни вѣпръ, ни зной,
Ни что до розы не коснется;
Не нуженъ ей весенній лучъ,
Не спрашенъ мракъ осеннихъ лучъ, —

Надъ нею ппичка, госпъ ээирный,
Незримая въ долинь мирной,
Поешь одна въ пиши ночей,
И райской арфы сладкогласной
Дивнѣй напѣвъ ея прекрасной;
То не Иранской соловей;
Такой живой, сердечной муки
Его не выражающъ звуки. —
Зайдешь ли кпо, — ужъ онъ всю ночь
Опъ ппички не опходишь прочъ;
И слушаешь въ раздумьи пѣнье,
И плачешь, — и въ душѣ волненье;
Какъ бы въ груди проснулась вновь
Тоской убиная любовь.
Но такъ опрадно слезы льются,
Часы такъ сладоспно несущся;
И такъ не тягоспна печаль,
Чпо сердцу гореспному жаль;
Какъ вдругъ плѣнипельное диво
Разцвѣтъ огниспый прекратишь,

И невидимка замолчишь.

Инымъ въ поскѣ мечталось живо,

Но кто жестокой упрекнешь,

Что въ пѣсни жалкой и любимой,

Почти всегда пѣвецъ незримой

Зюлейки имя нарекнешь; (30.)

Надъ ней пошъ кипарисъ надгробный,

Гдѣ влажный звукъ, словамъ подобный,

Звенишь и паешь въ шѣмъ ночной;

Тошъ мягкой дернъ надъ дѣвой чистой,

Гдѣ вдругъ разцвѣлъ цвѣпокъ душистый

Неувядаемой красой.

Здѣсь былъ вечернею зарёю

Могилой мраморъ положёнъ;

На упрямъ камня нѣтъ, — и онъ

Ужели смертною рукою

На дальній берегъ унесёнъ?

И намъ гласишь рассказъ воспочной :

Когда сраженный злобой мочной,

Селимъ былъ шумною волной

Лишень святыни гробовой;
Тогда вблизи крупяго скапа
На взморьѣ камень былъ найдёнъ, —
И эпопѣ камень наречёнъ
Подушкой мертваго Пирата.
На немъ пловцы въ полночной пѣмѣ
Видають голову въ чалмѣ;
А роза всё не увядаетъ,
Томился, снова разцвѣтаетъ;
Прекрасна и блѣдна подъ чистою росой,
Какъ щеки красоты при вѣспи роковой.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ НЕВѢСТѢ АБИДОССКОЙ.

(1.) *Мейнунъ и Лейла*, *Восточные Ромео и Юлія*. Сади — правоучительный Персидскій Поэтъ.

(2.) У Турокъ бьютъ въ барабанъ при восхожденіи солнца, въ полдень и въ сумерки.

(3.) Это выраженіе находили спраннымъ; я не спану ссылаюсь на „того, кто не имѣетъ музыки въ душѣ“, а только попрошу чашагеля припомнить, въ печеніе десяти секундъ, черны женщины, копорую онъ почищаетъ прекраснѣйшею; ежели онъ и тогда совершенно не пойметъ того, что слабо выражено въ этомъ стихѣ: то я жалую о насъ обоихъ.

О соотношеніи и непосредственномъ сравненіи, происходящемъ отъ сего соотношенія *музыки съ живописью*, можно прочесть краснорѣчивый опривокъ, въ книгѣ: *О Германіи*, швореніи, написанномъ женщиною, копорой Геній превзошелъ дарованія женщинъ всѣхъ временъ (*de l'Allemagne, vol. III, chap. 10*). Не гораздо ли сильнѣе сія связь, съ подлинникомъ, нежели съ копіею? съ красками природы, нежели съ красками искусства? Однимъ словомъ, это легче чувствоваться, нежели описаться; однако жъ я думаю, что будущъ люди, копорые поймутъ сіе выраженіе, или по крайней мѣрѣ поняли бы, ежели бъ они видѣли лице, копораго говорящая гармонія внушила сію мысль; въ самомъ дѣлѣ, мысль сія

произведена не воображеніемъ моимъ, но я нашелъ ее въ моемъ воспоминаніи, эпосъ зеркалъ, кошорое печаль разбиваетъ, бросая на землю, но глядя на обломки, видишь только умноженное отраженіе.

(4.) Карасманъ-Оглу, или Кара-Османъ-Оглу, есть богатѣйшій помѣщикъ въ Турціи; онъ управляетъ городомъ Магнесіею; Тимаріаками называютъ ихъ, кошорые владѣютъ землею, въ родѣ феодальнаго права, съ обязанностью служить; они служатъ какъ Спаги его, соопвѣстивенно проспранспву участковъ ихъ, и приводятъ съ собою въ поле извѣстное число конныхъ воиновъ.

(5.) Когда Паша споль силѣтъ, что можетъ пропшиться, по повелѣваетъ удавить посланнаго, возвѣщающаго ему смертную казнь; иногда такимъ образомъ умерщвляютъ пятерыхъ или шестерыхъ посланныхъ одного за другимъ, по приказанію возмущившагося Пашы; напрошивъ того, ежели онъ слабъ или послушенъ, по онъ преклоняется, цѣлуетъ подпись Султана и съ подобострашіемъ позволяетъ себя удавить. Въ 1810 году выспавлены были на врапахъ Сералы головы многихъ Пашей, понесшихъ подобную участь, и между прочими голова Багдадскаго Пашы, храбраго молодого человека, опчаянно сопрошивлявшагося, — но умерщвленнаго измѣною.

(6.) Хлопая въ ладони, кличутъ слугъ. Турки не любятъ прашишь слова, и не имѣютъ колокольчиковъ.

(7.) Богачи въ Турціи имѣютъ чубуки съ мушпуками, а иногда и самыя шрубки украшенныя дорогими камнями.

(8.) Делисы, удалые всадники, всегда бросающіеся въ первый огонь и начинающіе сраженіе.

(9.) Турки, для упражненія въ искусствѣ рубить саблею, употребляютъ свершокъ войлока; мало кто, кромѣ Мусульманъ, въ состояніи перерубить его однимъ ударомъ: часто употребляютъ для подобнаго же испытанія самую жесткую чалму. Джиридъ есть игра шупыми копьями, копорая очень пріятна для глазъ, необыкновенною живостью.

(10.) Олла, Алла-иль-Аллагъ, восклицаніе, называемое Испанскими поэтами: Лейла. По настоящему выговаривается Оллахъ; молчаливые Турки довольно распотешены на сіе восклицаніе, особенно во время охоты, игры джиридомъ, а всего болѣе въ сраженіяхъ. Ихъ живость въ битвахъ представляеть разительную противоположность съ ихъ важностію въ комнатахъ, когда они курятъ трубку и перебираютъ зерна комболой.

(11.) Много разсуждали о томъ, почиетъ ли веселымъ или печальнымъ пѣніе сего любителя розъ; примѣчанія Фокса дали поводъ ко многимъ ученымъ спорамъ противъ мнѣнія Древнихъ о семъ предметѣ. Я не смѣю сдѣлать шупъ никакого рѣшительнаго заключенія, хотя гововъ раздѣляетъ заблужденія г. Фокса.

(12.) Азраилъ, ангелъ смерти.

(13.) Сокровища Султановъ, которые, по нелѣпому мнѣнію Турокъ, были до Адама. Смотри у d'Herbelot, слово: *Истакаръ*.

(14.) Есть пословица, что Турки изъ Негропонна, Жиды изъ Салоники, и Греки изъ Афинъ хуже всѣхъ другихъ изъ ихъ почтеннаго народа.

(15.) Чекодаръ, служитель, предшествовающій знашней особѣ.

(16.) Много было споровъ о шомъ, чшо выражаешъ эшпешъ: широкій Геллеспоншъ. При мнѣ спорили объ эшомъ однажды на мѣспѣ; не предвидя скорого окончанія сего спора, я вздумалъ переплышъ его, между шѣмъ, и вѣрно еще разъ переплыву, пока эшо рѣшапшъ. Извѣстно, чшо споръ о семъ начинается съ временъ Троянскихъ: все запрудненіе предспавляешся въ словѣ, *ἄπειρος*. Можепш быпш, поэпш имѣлш шакоежъ поняшіе о разсполнїи, какое кокешки имѣюпш о времени, и говоря о широмъ, подразумѣваешъ не болѣе полмили; шакимъ же образомъ кокешки, говоря о *вѣчной* ихъ привязанности, подразумѣваюпш не болѣе шрехъ недѣль.

(17.) Александръ Македонскій прежде насшупленія на Персію, почшилъ гробницу Ахилла и увѣнчалъ алтарь лаврами и проч. Въ послѣдспвіи сдѣлалъ шо же, въ подражаніе ему, Каракалла. Полагаюпш, чшо Каракалла умершвилъ своего друга, по имени Феспуса, отправою для шого шолько, чшобъ найпш причину учредипш новыя игры, подобно бывшимъ въ память Паппрокла. Я видѣлш спада овецъ, пасущихся на гробницахъ Есіешеса и Анпилоха; гробница перваго въ срединѣ долины.

(18.) Яншаръ при шренїи издаешъ слабый, но прїятный запахъ.

(19.) На Воспокъ еще и шеперь всѣ суевѣрные вѣряпш могущеспву шалисмановъ, вырѣзанныхъ на драгоценныхъ камняхъ, или помѣщенныхъ въ золѣпыхъ коробочкахъ.

Талисманы соспавляются изъ нѣсколькихъ стиховъ Корана, и носятъ ихъ на шеѣ, или привязываютъ къ рукъ, въ видѣ браслета. Стихи изъ Курси (пресполь) во второй главѣ Корана соспавляютъ талисманы, имѣющіе наиболѣе силы; почему набожные Мусульмане и носятъ ихъ начертаніе на драгоценныхъ камняхъ, какъ высочайшее изъ всѣхъ познаній.

(20.) Чепки Мусульманъ называются комболойю. — Воспочныя и въ особенності Персидскія рукописи украшены съ большою роскошью. Гречанки вообще не имѣютъ никакого просвѣщенія, но многія молодыя Мусульманки получаютъ хорошее воспитаніе, которое впрочемъ не доставило бы имъ блеску въ обществѣ Европейцевъ.

(21.) Галіонджи, или Галіондже, то есть Турецкій мапрось. — На корабляхъ сего народа мапросы суть Греки, а солдаты Мусульмане. Одежда Галіонджи весьма красива. Я часпо видалъ Капитана-Пашу въ сей одеждѣ, когда онъ хотѣлъ не быть признаннымъ. — Сіи Галіонджи обыкновенно ходятъ съ босыми ногами; описаніе обуви, которую я придалъ Селиму, сдѣлано съ обуви одного изъ бывшихъ прежде въ числѣ морскихъ разбойниковъ, у котораго я жилъ, близъ Гальмона, въ Моревъ; она соспавлена изъ чешуекъ, лежащихъ одна на другой какъ на армадиллѣ.

(22.) На лезвѣ Турецкихъ сабель бываетъ начертано названіе завода, на которомъ онѣ сдѣланы, но чаще бываетъ начертано золотыми буквами нѣсколько стиховъ изъ Корана. Между воспочными саблями, которыя имѣю я, есть одна, которой лезвее имѣетъ необыкновенный

видъ. Оно очень широко, и съ оспраго края представляе изгибы наподобіе волнъ или наподобіе пламени. Я спрашивалъ у Албанца, копорый мнѣ продалъ сію саблю, какую выгоду можетъ принести такой видъ оружія? Онъ отвѣчалъ по-Италіянски, что не знаетъ того, но что Мусульмане думаютъ, что такихъ оружія наносятъ опаснѣйшія раны, — и предпочитаютъ ихъ по той причинѣ, что они жеспочѣе. Я не удивлялся объясненной имъ причинѣ, но купилъ сію саблю по ея странному наружному виду.

(23.) Турки неосновательно думаютъ, будто преданія о Каинѣ, о ковчегѣ и всѣ повѣствованія Вепхаго Завѣта имъ сколько же извѣстны, сколько и Евреямъ. Они даже щеславятся знаніемъ самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ изъ жизни Папріарховъ, съ большею подробностію, нежели означены оныя въ Св. Писаніи, и довольствуясь повѣствованіями о нѣ Адама, перваго человека, имѣютъ ложныя жизнеописанія до временъ Адамовыхъ. Съ такою же неосновательностію почитаютъ они Соломона Царемъ Некроманціи, а своего Магомета осмѣливаются сравнивать съ Моисеемъ, истиннымъ Пророкомъ. Зюлейкою, по-Персидски, называется жена Пеншефріа, и любовь ея къ Іосифу дала предметъ къ сочиненію одной изъ прекраснѣйшихъ воспомыныхъ Поэмъ. И такъ неудивительно, когда Мусульманинъ говоритъ о Каинѣ и Ноѣ.

(24.) Пасванъ-Оглу, возмущившійся Паша Виддинскій, копорый въ послѣдніе годы своей жизни поколебалъ могущество Опшоманской Порты.

(25.) Яфаръ, Паша Аргирокаспронскій, или Скутарскій (не могу вспомнить, котораго изъ сихъ двухъ городовъ) былъ отправленъ Албанскимъ Пашею, Алиемъ, тѣмъ же самымъ образомъ, какъ я предполагалъ, что Абдалла сіе сдѣлалъ. Между тѣмъ, какъ я еще тамъ находился, Али Паша женился на дочери отправленнаго имъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего убійства, которое совершилось въ одной изъ Адрианопольскихъ или Софійскихъ бань. Ядъ былъ примѣшанъ въ чашку кофе, которъй всегда пьютъ прежде шербета, подаваемого Воспочнымъ жителямъ при выходѣ ихъ изъ бани.

(26.) Кочующая жизнь Арабовъ, Тапаръ и Туркменцевъ описана всѣми путешественниками въ Левантѣ. Нельзя не сказать, чтобы они не находили въ ней особенную прелесть. Одинъ молодой Французъ, спустившійся отъ Христианства, рассказывалъ Шапобриану, что всегда, когда онъ мчался на конѣ, въ сѣни — онъ испытывалъ неописанное чувство, приближавшееся къ восторгу.

(27.) Чалма выскакиваетъ изъ камня на гробницахъ однихъ мужчинъ.

(28.) Это надгробная пѣснь по усопшимъ женщинамъ въ Турціи. Тамошняя благоприспособленность не позволяетъ, чтобы невольница могла публично изъявлять свою горестъ.

(29.) «Я пришелъ въ мою отчизну и вскричалъ: гдѣ друзья моей юности? гдѣ они? — и эхо отвѣчало: Гдѣ они? — Отрывокъ изъ Арабской рукописи.

(30.) Не нужно вѣшать на Востокъ, чтобы найти людей, вѣрящихъ переселенію душъ въ птицъ. Исторія

привидѣнія Лорда Липпильпона, Герцогиня Кендаль, копорая увѣряла себя, что Георгъ I прилепалъ на ея окно въ видѣ ворона (см. Воспоминанія Орфорда), и многіе другіе примѣры доказывающъ, что сіе суевѣріе было не чуждо и Европѣ. Самый чрезвычайный примѣръ естъ суевѣріе одной госпожи изъ Ворчестера, копорая, вообразивъ, что ея покойная дочь приняла видъ пѣвчей ппички, велѣла помѣстипъ на своемъ мѣспѣ, копорое она имѣла въ соборной церкви, нѣсколько кѣшпокъ съ ппицами всего рода. Сія дама была богата и украшала церковь своими приношеніями, почему и невоспропиви-лись этому сумасбродству. Сей анекдотъ упоминается въ письмахъ Орфорда.

Byron, George Gordon Byron

Nevěsta abidoskaja tureckaja pověst'

Sanktpeterburg 1826

Rar. 4481#Beibd.4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10862337-5